

Глава первая

Смерть пришла в Великую библиотеку, как только ночь опустилась на Саммерсхолл. Точнее говоря, она въехала на личном экипаже. Элизабет стояла во внутреннем дворе и наблюдала за громящей повозкой, запряженной лошадьми. Животные топтались на месте с бешено выпученными глазами, роняя с губ клочья пены. Где-то высоко последние лучи заката сверкнули в окнах башни Великой библиотеки, словно огнем охватив изнутри все ее комнаты. И все же свет вынужден был поспешно отступить, сжимаясь и отбрасывая длинные тени от фигур ангелов и горгулий, что охраняли залитые дождем парапеты здания.

Позолоченная эмблема блеснула на кузове повозки в тот момент, когда та с грохотом остановилась. Она представляла собой переkreщенные ключ и перо — символ Духовенства. Железные решетки в задней части повозки превращали ее в настоящую тюремную клетку. Несмотря на то что ночь была прохладной, Элизабет почувствовала, как ладони вспотели.

— Скривнер! — окликнула ее женщина, стоявшая рядом. — Соль и перчатки при тебе?

Элизабет похлопала по кожаным ремням, крестнакрест опоясывающим ее грудь, потом ощупала мешочки, которые были на них подвешены, и жестяную коробку с солью, свисающую у бедра.

— Да, Наставница.

Ей не хватало только меча. Заслужить такую честь она могла, став хранителем, спустя многие годы обучения в Духовенстве. Лишь несколько библиотекарей смогли зайти так далеко — остальные либо опускали руки и сдавались, либо погибали.

— Прекрасно. — Наставница помедлила. Это была элегантная женщина с бледным, как снег, лицом, рыжими, словно пламя, волосами и холодным, отчужденным взглядом. Шрам пересекал все ее лицо от левого виска до самого подбородка, сморщивая щеку и навек оттягивая вбок уголок рта. Подобно Элизабет, ее грудь перекрещивали кожаные ремни, однако вместо рясы ученицы под ними было одеяние хранителя. Искусственный свет сверкал на латунных пуговицах темно-синего пальто и отсвечивал от начищенных до блеска башмаков. Меч, перехваченный ремнем, узкий, остро заточенный и инкрустированный камнями гранатово-красного цвета, висел на поясе.

Этот меч был легендой Саммерсхолла. Его называли Демоноубийцей, и сама Наставница использовала его в битве против малефикта, когда ей было всего девятнадцать лет. Именно тогда она и получила страшный шрам, который, по слухам, вызывал у нее невыносимые мучения каждый раз, стоило ей заговорить. Элизабет сомневалась в достоверности этой болтовни, однако факт оставался фактом — Наставница тщательно подбирала слова и вообще никогда не улыбалась.

— Запомни, — после длительной паузы продолжила женщина, — если ты услышишь в голове голос в тот момент, когда мы доберемся до склепа, не слушай его. Это — Восьмая Ступень, древнейшая магия, с которой опасно шутить. С момента своего сотворения она свела с ума сотни людей. Ты готова?

Элизабет нервно слотнула. Ком в горле не позволил ей задать вопрос. Она едва могла поверить, что Наставница разговаривает с ней и уж тем более что она выбрала именно ее в качестве своей помощницы в доставке важного предмета к склепу. Как правило, такой чести удостоивались служители рангом гораздо выше, чем просто библиотечный подмастерье. Надежда затрепетала в ней, словно птица, запертая в доме, которая то взлетает, то падает и снова взлетает, исчерпывая все силы в поисках пути к вольному небу. Ужас тенью мерк в ее сознании.

«Она дает мне шанс доказать, что я стою того, чтобы стать хранителем, — подумала девушка. — Если я не справлюсь, то погибну. Тогда от меня будет хоть какой-то толк — они похоронят меня в саду, чтобы мой труп стал удобрением для овощей».

Вытерев потные ладони о рясу, она кивнула.

Наставница направилась через дворик, и Элизабет последовала за ней. Гравий хрустел под ногами. Мерзкое зловоние, подобное запаху раскисшей от воды кожи, оставленной гнить на берегу, наполняло воздух по мере того, как они шли дальше. Элизабет выросла в стенах Великой библиотеки, окруженная вонью, издаваемой чернилами и пергаментом магических книг, но к такому она точно не привыкла. От смрада жгло глаза, а по всему телу бежали мурашки. Даже лошади занервничали, испуганно шараясь из стороны в сторону в своей упряжи, разбрасывая копытами камни и не обращая никакого внимания на попытки кучера их успокоить. В каком-то смысле Элизабет завидовала им — по крайней мере, они не догадывались, что везли за собой всю дорогу от столицы сюда.

Два хранителя спрыгнули с повозки, их руки крепко сжимали рукоятки мечей. Элизабет приложила все силы, чтобы не отшатнуться, когда они пристально уставились на нее. Вместо этого она гордо выпрямила спину и задрала подбородок, намереваясь составить им достойную конкуренцию по части каменного выражения лица. Возможно, ей никогда не суждено заслужить меч, но, во всяком случае, она должна выглядеть достаточно храброй, чтобы им владеть.

Связка ключей Наставницы громко задребезжала, и задние двери повозки открылись с ужасающим скрипом. Поначалу в сумраке показалось, что железная клетка пуста. Внезапно Элизабет заметила предмет на полу повозки — плоский квадратный железный ящик, запертый более чем на десяток замков. Для постороннего человека такие предосторожности могли показаться абсурдными, но лишь ненадолго. Из-под крышки в сумрачной тишине раздавался глухой рокочущий звук: достаточно мощный, чтобы растрясти целую повозку и расшатать до дребезжания дверные петли клетки. Одна из лошадей громко заржала.

— Скорее, — поторопила Наставница. Она взялась за одну ручку ящика, Элизабет ухватилась за другую. По-

делив вес ящика поровну, они направились к двери. На ее притолоке был вырезан свиток с надписью, оба конца которого держали плачущие ангелы. Смутная, почти нечитаемая в сумерках фраза на латыни гласила: «OFFICIUM ADUSQUE MORTEM». Девиз хранителей. Долг до самой смерти.

Они вошли в длинный каменный коридор, освещенный дрожащим светом факелов. Свинцовая тяжесть ящика давно оттянула руку Элизабет. Он больше не дергался, однако его неподвижность никак не успокаивала ее. Она догадывалась, что было тому причиной: книга слушала их. И ждала своего часа.

Другой хранитель стоял у входа в склеп. Когда он увидел Элизабет рядом с Наставницей, его маленькие глазки неприязненно заблестели. Это был Уорден Финч, ворчливый мужчина с короткими седыми волосами и отекающей физиономией, по которой были хаотично разбросаны черты лица, словно изюм в запеканке. Среди учеников он прославился тяжелой правой рукой, которой постоянно отшвыкивал тумачи подмастерьям.

Элизабет вцепилась в ручку ящика так сильно, что костяшки пальцев побелели, и инстинктивно приготовилась к удару, однако Финч ничего не мог сделать ей в присутствии Наставницы. Пробормотав что-то сквозь зубы, он потянул цепь. Сантиметр за сантиметром железная решетка, перегораживающая вход, поднялась, застыв оскалом своих острых черных зубов над их головами. Элизабет шагнула вперед.

И тут ящик накренился.

— Берегись! — моментально отреагировала Наставница, и обе повалились на каменную стену, кое-как пытаясь удержать равновесие. Сердце у Элизабет ушло в пятки. Ее ступня стояла на самом краю первой ступеньки винтовой лестницы, которая, головокружительно завиваясь, уходила вниз в темноту.

Внезапно она осознала ужасную правду: гримуар хотел, чтобы они упали. Элизабет живо представила себе, как ящик, кувыркаясь, летит вниз по лестнице, отбивая куски известняка, и резко открывается. Все это могло случиться по ее вине.

Наставница похлопала ее по плечу.

— Все в порядке, Скривнер. Ничего страшного не произошло. Держись покрепче за перила и продолжай идти.

С большим усилием Элизабет заставила себя отвернуться, увидев злобную усмешку Финча. Они начали спуск. Прохлада подземелья поднималась из глубины, неся с собой запах холодного камня, плесени и чего-то неестественного. Этот камень сочился злом тех древних вещей, которые чахли в этой тьме веками, — неупокоенных, недремлющих духов. Во многих метрах под поверхностью земли тишина была такой, что Элизабет слышала стучащий в ушах пульс.

Она провела все детство, изучая тысячи закутков и закоулков Великой библиотеки, выпытывая с любопытством ее бесчисленные тайны, но никогда не была внутри этого склепа. Его существование в глубинах библиотеки казалось для нее чем-то страшно-таинственным, подобно монстру, прячущемуся в ночи под кроватью.

«Это мой шанс», — напомнила она себе. У нее не было права на страх.

Они вошли в помещение, напоминающее крипту собора. Стены, пол и потолок были вырезаны из серого камня. Ребристые колонны и потолки склепа украшали фрески; они вызывали благоговение. Фигуры ангелов, в ногах которых мерцали свечи, стояли в нишах вдоль стен. Полными печали глазами они смотрели на бесчисленные ряды железных полок, которые образовывали проходы к центру склепа. В отличие от книжных шкафов наверху, эти стеллажи были прикованы к полу. Цепи опутывали закрытые металлические ларцы, которые задвигались в полки подобно ящикам стола.

Элизабет уверила себя в том, что шепот, который она слышала, был лишь плодом ее воображения. Толстый слой пыли покрывал цепи. Большинство ящиков не открывалось веками, и их обитатели спали крепким сном. Тем не менее Элизабет ощутила покалывание в шее, будто кто-то наблюдал за ней.

Вместе с Наставницей они следовали вдоль полок, пока не подошли к самому центру склепа, в котором стояла большая клетка со столом, прикрученным к полу. Одинокая масляная лампа отбрасывала зелено-желтый свет на заляпанную чернилами столешницу. Ящик оставался на удивление неподвижным, пока они водружали его на

деревянный стол, изуродованный четырьмя огромными шрамами, похожими на следы гигантских когтей. Элизабет не могла оторвать взгляд от этих отметин. Она знала, откуда они появились и что случилось, когда один из гримуаров вышел из-под контроля.

Малефикт.

— Какие меры предосторожности мы должны принять в первую очередь? — спросила Наставница, отвлекая Элизабет от мыслей. Испытание началось.

— Соль, — ответила она, доставая банку с пояса. — Как и железо, соль ослабляет злую энергию.

Руки Элизабет слегка тряслись, пока она рассыпала белые кристаллы, формируя перекошенный круг с неровными краями. Стыд выступил на щеках красным румянцем. Что, если она до сих пор не готова?

Едва заметный оттенок сердечности выступил на суровом лице Наставницы.

— Знаешь, почему я оставила тебя здесь, в этой библиотеке, Элизабет?

Девушка застыла, дыхание перехватило в груди. Наставница никогда не обращалась к ней по имени, только по фамилии — Скривнер, или иногда называла «ученицей». Это зависело от того, в какие неприятности она вляпалась, а случалось такое фантастически часто.

— Нет, Наставница, — ответила она.

— Хм-м-м... Как сейчас помню, шел сильный ливень. Гримуары в ту ночь были необычайно беспокойны: они издавали столько шума, что я едва слышала стук в дверь. — Элизабет с легкостью представила себе эту картину: дождь хлестал в окна, книги завывали и стонали, громыхая цепями, в которые были закованы. — Когда я нашла тебя на ступенях библиотеки, то подняла и занесла внутрь. Я была просто уверена, что ты заплачешь, но вместо этого ты просто огляделась по сторонам и залилась смехом. У тебя не было и следа испуга. Уже в тот момент я знала, что не смогу отправить тебя в приют, потому что ты создана для библиотеки, как любая из этих книг.

Элизабет слышала эту историю и раньше, но только от учителей. Никогда Наставница не рассказывала ей это лично. Два слова отдавались эхом у нее в голове, повторяя ритм сердца: «ты создана». Те слова, которые она жаждала

услышать на протяжении долгих шестнадцати лет и которые, как отчаянно надеялась, были правдой.

В гробовой тишине девушка наблюдала за тем, как Наставница тянется к связке ключей и выбирает из нее самый большой настолько древний и покрытый ржавчиной, что под ее слоем металл был уже почти неразличим. Время сантиментов для Наставницы прошло. Элизабет успокоила себя повторением заученного наизусть негласного обещания, которое дала сама себе и твердила ежедневно с тех пор, как себя помнила. Однажды ученица тоже станет хранителем. Наставница будет гордиться ею.

Соль просыпалась на стол, как только крышка ящика со скрипом отворилась. Отвратительный запах сгнившей кожи наполнил весь склеп, настолько сильный, что Элизабет почувствовала, как тошнота подступает к горлу. Внутри лежал гримуар. Это был толстый том с растрепанными пожелтевшими страницами, зажатый между двумя пластинами засаленной черной кожи. Он выглядел бы вполне обычно для колдовской книги, если бы не выпуклые округлые выступы на обложке. Они напоминали гигантские бородавки или пузыри на поверхности кипящей жижи. Каждый выступ размером с огромную жемчужину, и их было настолько много, что они покрывали буквально всю обложку.

Наставница натянула прошитые железными вставками перчатки. Элизабет поспешила последовать ее примеру, прикусив щеку изнутри, когда та вытащила книгу из ящика и положила его в середину соляного круга.

В тот самый момент, как книга коснулась стола, выпуклости на обложке тома неожиданно раскрылись. Это были не бородавки — все это были глаза. Разных цветов, налитые кровью и вращающиеся из стороны в сторону, с расширяющимися и сужающимися зрачками. Гримуар сотрясался в руках Наставницы. Скрипя зубами, она заставила его открыться. Действуя на автомате, Элизабет приблизилась к кругу из соли и прижала одну сторону книги, чувствуя ее дергающуюся и вздувающуюся кожу даже сквозь перчатки. Она выглядела такой разъяренной и такой живой.

Те глаза были не просто колдовским фокусом. То были настоящие глаза, давным-давно вырванные из чьих-то черепов и принесенные в жертву этому страшному тому,

мощному настолько, чтобы хранить в себе все те заклятья, которые были запечатлены на его страницах. И, как говорит история, такие жертвы редко бывали добровольными.

— Книга Ока, — пояснила Наставница, не проявив и доли беспокойства. — Она содержит заклинания, которые позволяют чародеям проникать в сознание других людей, читать их мысли и даже контролировать их действия. К счастью, только несколько магов во всем королевстве когда-либо имели доступ к ней.

— А зачем вообще оставлять такую возможность? — выпалила Элизабет, прежде чем смогла удержаться. Ответ был очевиден. Чародеи по природе своей являлись чистым злом, поддавшимся развращающему влиянию демонической магии, которой они овладели. Если бы не Реформы, запретившие использовать части человеческих тел для изготовления подобных книг, гримуары вроде Книги Ока не были бы редкостью. Без сомнения, чародеи на протяжении многих лет предпринимали попытки копировать их, однако такие заклинания не могли быть написаны простыми способами на обычных материалах. Колдовская мощь мгновенно превратила бы чернила и пергамент в золу.

К удивлению Элизабет, Наставница восприняла вопрос серьезно, несмотря на то, что уже не наблюдала за ней. Она сосредоточилась на перелистывании страниц, пытаясь найти любые повреждения, которые книга могла получить во время столь долгого путешествия.

— Время, когда необходимость в таких заклятьях исчезнет, насколько бы мерзкими они ни были, еще не настало. Мы несем огромную ответственность перед всем королевством, Скривнер. Если этот гримуар будет уничтожен, заклинания, содержащиеся в нем, пропадут навеки. Он единственный в своем роде.

— Да, Наставница.

Все это она прекрасно понимала. Хранители одновременно защищали гримуаров от внешнего мира и внешний мир — от гримуаров.

Элизабет крепилась изо всех сил, пока Наставница сделала паузу, прильнув к странице книги, изучая пятно на ней. Перевозка настолько важных гримуаров всегда сопровождалась рисками, потому что любое случайное повреждение могло спровоцировать превращение гримуара

в малефикт. Их необходимо было тщательно осмотреть до погребения в склеп. Элизабет была абсолютно уверена, что сразу несколько глаз, коварно поблескивая, усталились на нее сейчас с обложки книги.

По неведомым для нее самой причинам она точно знала, что не следует пересекаться с ними взглядом. Пытаясь отвлечься, она стала пристально разглядывать страницы. Некоторые предложения были нацарапаны на аустермерийском или на Древнем Наречии. Другие — на енохианском, языке чародеев, состоящем из странных угловатых рун, переливавшихся на пергаменте подобно тлеющей золе. Это был язык, овладеть которым можно лишь являясь с дьяволом. Даже беглый взгляд на руны заставил виски Элизабет яростно пульсировать.

«Послушница...»

Шепот проник в ее сознание, словно нечто инородное и такое же неожиданное, как холодное и осклизлое прикосновение рыбы под водой. Элизабет дернулась и посмотрела на Наставницу. Если она тоже слышала этот голос, то, во всяком случае, не подала виду.

«Я вижу тебя, послушница...»

Дыхание перехватило. Как учила Наставница, Элизабет старалась не обращать внимания на голос у себя в голове, однако оказалось совсем невозможным думать о чем-либо, кроме множества глаз, тарасившихся на нее и сверкающих своей зловещей осмысленностью.

«Посмотри на меня... Посмотри...»

Медленно, но уверенно, словно под влиянием невидимой силы, взгляд Элизабет начал опускаться.

— Ну, вот и все, — отозвалась Наставница. Ее голос звучал неотчетливо и искаженно, словно доносился из-под поверхности воды. — Мы закончили, Скривнер?

Не дождавшись ответа, она захлопнула гримуар. Шепот прекратился, и это привело Элизабет в чувство. Она шумно втянула воздух, и все лицо ее покраснело от стыда. Глаза на книге, яростно выпячиваясь, метались из стороны в сторону между Элизабет и Наставницей.

— Отличная работа, — произнесла последняя. — Ты держалась даже дольше, чем я ожидала.

— Я почти попалась, — прошептала Элизабет. Как наставница могла хвалить ее? Липкий пот выступил на коже, и в прохладе склепа девушка начала дрожать.

— Да. Все это я и хотела показать сегодня. У тебя свой подход к гримуарам и какая-то особенная связь с ними, которой я не видела еще ни у одного ученика. Несмотря на это, тебе еще очень многое предстоит узнать. Ты ведь хочешь стать хранителем, верно?

Произнесенный перед Наставницей в присутствии статуи ангелов, выстроившихся вдоль стен склепа, мягкий ответ Элизабет стал образцом благочестия.

— Это все, чего я когда-либо желала.

— Помни, что для тебя открыто множество дорог. — Перекошенный шрам придавал лицу Наставницы печальное выражение. — Прежде чем сделать свой выбор, будь уверена в том, что путь хранителя — это действительно то, чего ты хочешь.

Элизабет кивнула, не позволяя себе открыть рта. Если она прошла это испытание, отчего Наставница предлагает ей отказаться от своей мечты? Возможно, послушница каким-то другим образом проявила свою нерешительность, неподготовленность. В таком случае ей нужно просто приложить больше усилий. Всего год остался до ее семнадцатилетия — возраста, когда она сможет поступить на учебу в Духовенстве. Это время она могла бы использовать для того, чтобы развеять все сомнения и заслужить одобрение Наставницы. Оставалось лишь надеяться, что этого будет достаточно.

Вдвоем они с трудом поместили гримуар обратно в ящик. В тот же миг, как он коснулся соли, судороги прекратились. Глаза закатились, демонстрируя полумесяцы белков, прежде чем закрыться окончательно. Стук закрывающейся крышки сотряс замогильную тишину склепа. Этому сундуку не суждено будет открыться еще годы, а, может быть, и десятилетия. Он находился под надежной защитой и больше не представлял опасности.

И все же Элизабет никак не могла избавиться от голоса в своей голове и от чувства, что лицезрела книгу не в последний раз. А Книга Ока, в свою очередь, видела не в последний раз Элизабет.

Глава вторая

Элизабет откинулась на спинку стула, наслаждаясь видом. В порученную ей работу входило налаживание перевозок, а рабочее место располагалось на третьем этаже. Отсюда был виден весь атриум библиотеки. Солнечный свет струился сквозь окно-розетку высоко над входными дверьми, рассыпаясь рубинами, сапфирами и изумрудами на бронзовых перилах круглых террас. Книжные шкафы взлетали высоко вверх прямо к сводчатым потолкам, вздымаясь вокруг атриума словно слои свадебного торта или многочисленные ярусы Колизея. Шепот, отдающийся эхом и прерываемый время от времени чьим-то покашливанием или храпом, наполнял пространство. Большую часть этих звуков издавали вовсе не библиотекари в синих рясах, вышагивающие туда-сюда по кафельному полу атриума. Шум исходил от гримуаров, тихо бормочущих на своих полках.

Элизабет вздохнула, и сладкий аромат пергамента и кожи наполнил ее легкие. Пылинки висели в лучах солнца, совершенно неподвижные, словно хлопья золотой листвы, застывшие в смоле. Стопки бумаг угрожающе пошатнулись, собираясь в любой момент совершить побег с рабочего стола и навсегда похоронив ее под лавиной из необработанных транспортных запросов.

С неохотой она сосредоточила свое внимание на выстроившихся перед ней бумажных кипах. Великая библиотека Саммерсхолла была одной из шести Великих библиотек королевства. Целых три дня пути отделяло их от

ближайших соседей, которые равномерно располагались по окружности вокруг Аустермера, соединяемые Чернильными Путиами, сходящимися в столице, подобно спицам колеса. Транспортировка гримуаров между библиотеками была весьма деликатным делом. Некоторые колдовские книги питали такую мощную злобу по отношению друг к другу, что обычно их совместное перемещение заканчивалось диким воем или взрывами. На пустоши Дикого Перехода было место, где две книги не сошлись во мнениях об одной религиозной доктрине. Сейчас там остался лишь кратер размером с целый дом.

Как послушнице, Элизабет полагалось подтверждать перевозки книг с Первой до Третьей ступеней. Гримуары классифицировались по шкале от одного до десяти в соответствии с уровнем риска — начиная с Четвертой ступени требовались особые условия перевозки и усиленные меры предосторожности. В самом Саммерсхолле хранились тома не выше Восьмой ступени.

Закрыв глаза, Элизабет потянулась к листу бумаги на верхушке стопки.

— Нокфельд, — предположила она, размышляя о ближайшем соседе Саммерсхолла на северо-востоке.

Однако, перевернув лист, она обнаружила, что это был запрос из Королевской библиотеки. Неудивительно. Оттуда приходило две трети всех запросов. Однажды она тоже соберет все свои пожитки и отправится туда. Королевская библиотека находилась на одном клочке земли рядом с Духовенством в самом сердце столицы, поэтому, когда у нее появится свободное от учебы время, она прогуляется вдоль ее стен. В своем воображении Элизабет рисовала протянувшиеся на многие километры коридоры, заставленные книгами, со множеством ходов и потайных комнат, которые прятали в себе все секреты вселенной.

Все это станет возможным, только если она заслужит одобрение Наставницы. С той ночи в склепе прошла неделя, а она по-прежнему мучилась в догадках, что же означал ее совет.

Элизабет до сих пор ясно помнила момент, когда поклялась себе, что станет хранителем. Ей было всего восемь, и она спасалась бегством от лекций Мастера Харгрува в одном из секретных ходов библиотеки. У нее не было ни сил, ни желания сидеть еще час в душной кладовой,

переделанной в кабинет, декламируя склонения Древнего Наречия. Только не посреди дня, когда солнце так яростно вколачивало свои кулаки в стены библиотеки, сгущая воздух до консистенции меда.

Элизабет помнила, как пот градом катился по спине по мере того, как она ползла по низким переходам на четвереньках. По крайней мере, в нем было темно — туда не проникало солнце. Золотистого сияния, которое просачивалось сквозь доски в полу прохода, было достаточно, чтобы видеть что-то перед собой, но не замечать носящиеся туда-сюда тени книжной тли, гнезда которой она задевала, из-за чего насекомые в панике разлетались.

Если бы только Мастер Харгрив согласился взять ее в город в тот день! Это путешествие представляло собой пятиминутный спуск с холма через фруктовые сады. На рынке суетливые продавцы продавали всякую всячину, начиная с тесьмы и заканчивая яблоками в сладкой глазури. Иногда путешественники приходили в Саммерсхолл приторговать мелочами. Однажды Элизабет даже слышала там игру на аккордеоне и видела танцующего медведя, а как-то раз ей удалось застать мужчину, демонстрирующего лампу, фитиль которой горел без масла. Книжки в ее классной комнате не смогли объяснить, как та работает, поэтому она решила, что дело в магии, а, значит, за этим скрывалось что-то недоброе.

Возможно, именно по этой причине Мастер Харгрив не любил брать ее с собой в город. Если бы она встретила чародея, будучи без защиты, он тотчас похитил бы ее. Молодая девчонка вроде нее стала бы прекрасной жертвой для какого-нибудь демонического ритуала.

Голоса вернули Элизабет к реальности — они раздавались снизу. Один голос принадлежал Мастеру Харгриву, а другой...

Наставнице.

Ее сердце подпрыгнуло в груди. Она прижалась к доскам, пытаясь разглядеть что-то через отверстие от сучка. Свет, проникающий сквозь щели, сверкал в ее спутанных волосах. Элизабет могла разглядеть совсем немного: кусок стола, покрытый бумагами, и угол незнакомого ей кабинета. Мысль о том, что это мог быть кабинет Наставницы, заставил ее пульс участиться.

— Уже третий раз в этом месяце, — сказал Харгров. — У меня уже ум за разум заходит. Эта девчонка — настоящая дикарка. Пропадает бог пойми где, постоянно впутывается во всякого рода неприятности. А на прошлой неделе она высыпала целый ящик книжной тли мне в кровать!

Элизабет едва остановила себя от того, чтобы громко заявить свой протест прямо через дыру в доске. Она методично собирала книжную тлю с дальнейшим намерением подвергнуть ее тщательному изучению и вовсе не планировала ее освободить. Эта потеря явилась для нее огромной неудачей.

Однако то, что Харгров сказал после, заставило ее забыть о летающих паразитах.

— Я просто сомневаюсь, правильным ли это было решением — растить ребенка в стенах Великой библиотеки. Я уверен: тот, кто подбросил ее к нашим дверям, знал, что мы превращаем таких подкидышей в учеников, однако мы не принимаем мальчиков и девочек младше тринадцати. Я не хочу соглашаться с Уорденом Финчем в чем бы то ни было, однако считаю, мы должны задуматься над тем, что он продолжает твердить нам: девочке, возможно, будет лучше в приюте.

Хотя это и выбило ее из колеи, Элизабет не слышала ничего подобного прежде. Ей приходилось выносить замечания в свой адрес, зная, что Наставница всегда обеспечит ей место в этой библиотеке. Почему? Это оставалось для нее загадкой. Наставница редко разговаривала с ней. Она была холодной и недосыгаемой, словно луна, и такой же таинственной. В глазах Элизабет решение Наставницы взять ее на свое попечение обладало какой-то почти магической силой. Случившееся представлялось ей сказочной историей и не могло подвергаться критике или сомнениям.

Затаив дыхание, она ждала, когда Наставница нанесет встречный удар по нелепому предложению Харгрова. Предвкушая услышать ее ответ, Элизабет ощутила, как по коже рук побежали мурашки.

Но вместо этого Наставница произнесла:

— Я думала о том же, Мастер Харгров. И размышляю об этом почти каждый день на протяжении последних восьми лет.

Нет. Это не могло быть правдой. Кровь застыла в жилах Элизабет. Звон в ушах практически оглушил ее.

— Все эти годы я не задумывалась о том, как может повлиять на нее воспитание в этих стенах. Она совершенно оторвана от детей ее возраста. Самые младшие подмастерья минимум на пять лет старше нее. Она принимала какие-то попытки с ними подружиться?

— Да, но, боюсь, мало в этом преуспела, — ответил Харгрив. — Думаю, она еще не понимает многих вещей. Недавно я слышал, как один из учеников объяснял ей, что у обычных детей есть матери и отцы, а бедная Элизабет совершенно не понимала, о чем идет речь. Она жизнерадостно ответила, что у нее достаточно книг, которые составляют ей компанию.

Наставница вздохнула.

— Ее связь с колдовскими книгами...

— Вызывает настороженность? Определенно, да. Боюсь, что она не страдает от недостатка общения именно потому, что друзей ей заменяют гримуары.

— Что весьма опасно. Впрочем, библиотеки — это вообще опасные места, так что риска не избежать.

— Вы не думаете, что это может быть слишком опасно для Элизабет?

«Нет», — взмолилась про себя Элизабет.

Она знала, что в Великой библиотеке хранились необычные книги. Они шептали ей с полок и содрогались под железными цепями. Некоторые плевались чернилами и изрыгали проклятья, другие в безветренные тихие ночи, когда звездный свет лился сквозь решетчатые окна библиотеки подобно стрелам из ртути, начинали распевать высокими чистыми голосами. Какие-то экземпляры были настолько опасны, что их приходилось хранить в склепах под землей, засыпанными солью. Не все книги могли заменить ей друзей, это она прекрасно понимала.

Однако отослать ее из этого места — все равно что оставить гримуар среди неодушевленных книг, которые не могли двигаться или разговаривать. Когда Элизабет впервые увидела такую книгу, она подумала, что та мертва. Ее место было точно не в приюте. Девушка понятия не имела, что такое приют. В ее воображении это место напоминало тюрьму — серую, окутанную влажным туманом, запертую глухой решеткой, подобно склепу. При одном

только представлении этой картины ужас перехватывал горло.

— Знаете ли вы, почему Великие библиотеки берут на попечение сирот, Мастер Харгрук? — наконец спросила Наставница. — Потому что у них нет ни дома, ни семьи. Никто не будет тосковать по ним, когда их не станет. Я иногда думаю, может быть... если Скривнер продержалась так долго, это произошло, потому что так хотела сама библиотека? Может, стоит сохранить ее связь с этим местом, будь она во имя добра или зла.

— Надеюсь, вы не совершаете ошибку, Наставница, — мягко отозвался Мастер Харгрук.

— Я тоже на это надеюсь, — устало прозвучал голос Наставницы. — Во благо Скривнер и всех нас.

Элизабет выжидала, наострив уши, однако судьбоносный разговор, по всей видимости, подошел к своему логическому завершению. Послышались шаги, и дверь кабинета со скрипом закрылась.

Ей дали отсрочку — ненадолго. Сколько это продлится? Основы ее мира пошатнулись, и казалось, что вся ее жизнь может пойти под откос в любой момент. Одно слово Наставницы, и она будет выслана из этого места очень далеко. Элизабет еще никогда не чувствовала себя настолько неуверенной, настолько беспомощной и незначительной.

Именно тогда, согнувшись в три погибели среди пыли и паутины, она и принесла ту клятву, хватаясь за единственную соломинку, которая у нее осталась. Если Наставница не уверена, что Великая библиотека — лучшее место для Элизабет, ей придется доказать это. Она станет великим хранителем, как сама Наставница. Она докажет всем, что заслуживает право быть здесь, и никто, даже Уорден Финч, не сможет оспорить его.

Несмотря ни на что, она должна убедить их, что ее пребывание здесь никогда не было ошибкой.

— Элизабет, — окликнул ее голос из реальности. — Ты спишь?

Ошарашенная, она подскочила. Воспоминания унеслись в бешеном водовороте. Элизабет озиралась по сторонам в поисках источника голоса. Девушка выглянула из прохода между двумя книжными шкафами. Ее коса упала на плечо, когда она, оглядываясь, убедилась, нет ли кого

поблизости. Очки увеличивали темные умные глаза, наскоро нацарапанные знаки на темной коже предплечий проглядывали из-под рукавов. Как и у Элизабет, на шее у нее был ключ на цепочке, ярким пятном выделявшийся на фоне бледно-синей формы подмастерья.

На свою удачу, Элизабет не суждено было остаться одинокой навсегда и совсем не завести друзей. Она познакомилась с Катрин Квиллуорт в тот самый день, когда они обе стали подмастерьями по достижении тринадцати лет. Никто из учеников не хотел делить с Элизабет комнату из-за слухов о том, что под своей кроватью она хранила коробку, полную книжной тли, а Катрин подошла к ней именно по этой причине.

— Лучше бы это было правдой, — сказала она. — С тех пор как я услышала об этих существах, я страшно хотела над ними поэкспериментировать. Оказывается, на них не действует никакая магия — можешь себе представить, какое влияние это может оказать на науку?

С тех пор они были неразлучны.

Элизабет отодвинула бумаги в сторону.

— Что-то случилось? — шепотом спросила она.

— Я думаю, ты единственный человек в Саммерсхолле, кто не знает, что случилось. Не считая Харгрыва, который провел утро в туалете.

— Неужели Урдена Финча разжаловали? — с надеждой спросила Элизабет.

Катрин ухмыльнулась.

— Я все еще работаю над этим. Уверена: в конце концов, я смогу найти на него что-то компрометирующее. Когда это случится, ты узнаешь обо всем первая.

Свержение Урдена Финча было ее главной целью на протяжении многих лет.

— Нет, дело в магистре. Он прибыл, чтобы осмотреть склеп.

Элизабет чуть не упала со стула. Она огляделась по сторонам и стрелой юркнула за книжный шкаф, поближе к Катрин, наклонившись, чтобы лучше ее слышать. Та была настолько низкого роста, что Элизабет могла видеть только верхушку ее головы.

— Магистр? Ты уверена?

— Абсолютно. Я еще никогда не видела хранителей такими взвинченными.

Сейчас, когда Элизабет промотала у себя в голове события сегодняшнего дня, все стало очевидным. Хранители все утро сновали туда-сюда со сжатыми зубами и руками, стиснувшими рукояти мечей. Ученики сбивались в группы в коридорах, перешептываясь на каждом углу. Даже гримуары были более беспокойны, чем обычно.

Магистр. Ужас прошел сквозь все тело девушки, подобно звуку, заставляющему дрожать струны арфы.

— Что ему здесь нужно? — спросила она.

Никто из них никогда не видел даже обычного чародея. В тех редких случаях, когда они появлялись в Саммерсхолле, хранители встречали их через специальные двери и сопровождали прямоком в читальный зал. Она была уверена, что в случае с магистром предприняли бы более серьезные предосторожности.

Глаза Катрин просияли.

— Стефан поспорил со мной, что у магистра заостренные уши и раздвоенные копыта. Это не так, и я просто обязана доказать ему свою правоту. Я собираюсь выследить магистра, а ты подтвердишь мой рассказ.

Элизабет вздохнула. Взгляд невольно упал на пустой стол.

— Чтобы это сделать, нам придется нарушить кучу правил.

— А Финч насадит наши головы на пики, если узнает об этом, — продолжила за нее Катрин. — Но этого не случится. Он не знает о потайных ходах.

На этот раз Финч был не самым большим опасением Элизабет. В сознании всплыла Книга Ока с ее налитыми кровью, выпученными глазами. Любая пара тех глаз могла принадлежать кому-то вроде нее или Катрин.

— Если магистр поймает нас, — сказала она, — он поступит гораздо хуже, чем просто насадит наши головы на пики.

— Сомневаюсь. Реформы запретили чародеям убивать людей за исключением случаев самообороны. Он просто заставит нас облысеть или покрыться фурункулами. — Катрин игриво повела бровями. — Ну же, это возможность, которая дается всего раз в жизни. По крайней мере, для меня это именно она. Когда я еще смогу увидеть маги-

стра? Много ли шансов у меня будет получить магические фурункулы?

Катрин мечтала стать архивариусом, а не хранителем, и ее работа не была бы связана с чародеями, в отличие от Элизабет...

Искра вспыхнула в ее сознании. Катрин права, это та самая возможность. Совсем недавно она решила прилагать все усилия, чтобы впечатлить Наставницу. Хранители не боялись чародеев, поэтому чем больше она узнает о них, тем более подготовленной будет.

— Хорошо, — сказала она, выпрямляя спину. — Вероятнее всего, они поведут его в восточный читальный зал. Нам сюда.

Пока они с Катрин пробирались меж книжных полок, Элизабет пыталась избавиться от гнетущего чувства тревоги. Она старалась поступать как должно и не нарушать правила, однако ее попытки каким-то непонятным ей самой образом никогда не срабатывали. В прошлом месяце случилась та катастрофа с люстрой — по крайней мере, сейчас нос госпожи Беллуэзер выглядел почти прилично. А тот раз, когда она разлила повсюду клубничный джем... Впрочем, лучше не вспоминать об этом.

Когда они добрались до бюста Корнелиуса Мудрого, который Элизабет использовала как ориентир, она огляделась в поисках темно-красного корешка книги, который обнаружился на верхних полках. Золотая надпись истерлась и осыпалась. Страницы гримуара сонно захрустели, приветствуя ее, когда она потянулась и протерла его обложку. Щелчок, похожий на звук открывающегося замка, раздался из глубин книжного шкафа. Целая панель с полками отъехала внутрь, освобождая пыльный проход.

— Не могу поверить, что это выходит только у тебя, — сказала Катрин, как только они нырнули внутрь. — Я пробовала тереть его сотни раз, как и Стефан.

Элизабет пожала плечами. Этого она тоже не понимала. Она постаралась удержаться от чиха, пока вела Катрин по узкому извилистому коридору, смахивая паутину, которая свисала подобно призрачным гирляндам с балок перекрытий. Другой конец перехода находился за гобеленом, висящим в читальном зале. Они остановились и прислушались, желая убедиться в том, что комната пуста,